

мы. Подобно тому, как компас указывает направление, в котором должен был бы идти тот, кто хочет идти на север, но не содержит никаких сведений о дороге, которой ему надо идти, и способах ее преодоления, так этика говорит о том, каким признаком (признаками) должны были бы обладать поступки, чтобы они могли считаться моральными, но не касается их материального содержания ни в их общей (природной и социальной), ни в их частной (касающейся отдельного индивида и особенных обстоятельств его жизни) выраженности.

Этика, начиная с Нового времени, действительно интересовалась по преимуществу моральными нормами, законами, оставляя за пределами своего рассмотрения пестрый мир реальных поступков. Это можно считать особенностью этики в эту эпоху, но никак не ее достоинством. К тому же следует признать, что ей ни в одном из вариантов не удавалось последовательно удержаться на такой позиции. Если брать теоретические опыты этики во всей их исторической полноте, то мы увидим, что этика не всегда ориентировалась на поиск всеобщих правил поведения. Не менее основательной была установка, отождествлявшая мораль с поступками. В целом в понимании морали существовали эти две важнейшие традиции, которые одновременно знаменуют собой две важнейшие эпохи в истории этики и морали. Одна связана с именем Аристотеля и является парадигмальной для античности и средневековья, другая связана с именем Канта и является парадигмальной для Нового времени.

2. Для Аристотеля мораль есть прежде всего и по преимуществу моральная (добродетельная) личность, которая формируется и реализуется в добродетельных поступках. Последние существуют только в привязке к конкретному индивиду и частным обстоятельствам, в которых он действует. Поэтому добродетельный поступок в своем конечном основании нельзя определить иначе, как поступок добродетельного человека. Он представляет собой предел индивидуально-ответственного существования; есть такое деяние, которое содержит свое оправдание и свою награду в самом себе; его нельзя считать средством для чего бы то ни было, он, будучи средством, является в то же время целью и тем самым выпадает (обрывает, завершает) целе-средственную деятельность человека, составляя последний и высший ее смысл.

При таком взгляде на мораль возможности науки о ней ограничиваются ее эмпирическим описанием (упорядочением, систематизацией), а возможности целенаправленного воздействия на моральное поведение — ориентацией на преобладающие в обществе (при-

вычные, образцовые) каноны. Понимание морали как моральной личности получает естественное дополнение в представлении о ней как сумме конкретных норм и поступков, следование которым и совершение которых считается моральным. Все те содержательные характеристики добродетели и добродетельных поступков, которые мы встречаем у Аристотеля, являются обобщением и идеализацией того, что считалось добродетельным в рамках полисного (еще точнее: полисно-аристократического) сознания применительно к отдельным сферам общественной жизни и типичным для них человеческим ситуациям.

Аристотелевская этика была адекватным обобщением моральной реальности на той стадии исторического развития, когда общественные отношения имели форму личных зависимостей. Эта стадия в социологии именуется традиционным, доиндустриальным обществом. Его характерная особенность заключается в том, что несущей конструкцией, гарантией устойчивости социума в целом и его отдельных секторов были добродетельные индивиды, добродетельность которых поддерживалась сетью детализированных норм, опутывавших их поведение. Здесь этика дополняется по преимуществу обычаями.

3. Кант понимает под моралью закон, обладающий абсолютной необходимостью. Таковым является только чистая (добрая) воля, которая дана в форме безусловного долга, категорического императива. Моральное пространство индивидуально-ответственного поведения совпадает с автономией воли — со всеобщим общезначимым законом, который разумная воля задает самой себе.

Есть только один моральный закон. Все прочие правила приобретают моральное качество только в той мере, в какой не противоречат ему, за этими пределами они существуют только в силу целесообразности. Соответственно есть только один моральный мотив — долг как уважение к моральному закону. Он не только отличается от других мотивов (склонностей), но и обнаруживает себя в акцентированном противостоянии им. Это значит, что не существует поступков, которые совершались бы только по мотиву долга, т.е. собственно моральных поступков. Если для Аристотеля добродетельные поступки есть единственная форма бытия морали, которая тем самым выступает как конкретные обязанности перед конкретными индивидами в конкретных обстоятельствах, то для Канта мораль никогда не может воплотиться в материи живых поступков и представляет собой долг перед человечеством (долг человечности).

Кантовская этическая теория обобщает моральную ситуацию общества, в котором отношения людей приобрели «вещный характер» (К. Маркс). В социологических теориях эти общества именуется индустриальными, капиталистическими, экономическими. В них общественные отношения выступают как отношения столь больших масс людей, что они неизбежно оказываются а) безлично-анонимными и б) акцентировано функциональными. Социум организуется таким образом, что его жизнеспособность не зависит от собственно моральных качеств и решений составляющих его индивидов, общественно релевантное поведение которых гарантируется институциональными нормами. Здесь этика дополняется по преимуществу правом.

4. И Аристотель, и Кант исходят из единства человека и общества. Различие между ними в том, что первый рассматривает общество как развернутую, вынесенную вовне сущность человека, а второй видит в человеке чистое воплощение закономерной сущности общества. Соответственно аристотелевская этика есть этика поступка, а кантовская этика есть этика закона. Если исходить из того, что моральная практика как практика разумно (сознательно) деятельных существ складывается из поступков (действий) и правил (основоположений), по которым они совершаются, то Аристотель и Кант рассматривают ее в двух крайних точках, разрывая целое на части. Можно сказать так: в силлогизме поступка Аристотель акцентирует внимание исключительно на частном утверждении, в результате чего вывод оказывается безосновным (не обоснованным). Кант — на общей посылке, из-за чего отсутствует сам вывод (поступок). И в том и в другом случае силлогизм поступка оказывается урезанным, неполным. Возникает вопрос: возможна ли этическая теория, в которой силлогизм поступка был бы представлен в логической полноте и которая органически соединила бы этику поступка с этикой закона, Аристотеля с Кантом?

5. Существенное уточнение в сформулированный вопрос вносит учение М.М.Бахтина о двух видах ответственности: специальной ответственности, которая касается содержания поступка, и нравственной ответственности, которая касается факта поступка. Специальная ответственность зависит от теоретического отношения к миру, воплощенного в знаниях, нормах, умениях и т.д. Нравственная ответственность определяется неповторимой единственностью жизни того, кто совершает поступок. Поступок становится поступком тогда, когда он рефлекирует себя в обе стороны и обретает единство двусторонней ответственности. Теоретическое отношение к миру не содержит в себе необходимости поступка: из того, что поступок воз-

можен, вовсе не вытекает, что я должен его совершить. В отличие от этого нравственно-практическое отношение к миру (сам факт поступка) выводит в область теоретически расчетливого отношения к нему: решение совершить тот или иной поступок ведет к обдумыванию того, как это сделать наилучшим образом. Следовательно, совмещение двух видов ответственности в едином акте поступка возможно только таким образом, что специальная ответственность оказывается вторичной по отношению к нравственной ответственности, становится приобщенным моментом последней.

6. Задача синтеза этики поступка Аристотеля с этикой закона Канта, конкретизированная в свете выводов Бахтина, выглядит следующим образом: что это за поступки, которые, будучи неповторимо единственными, являются одновременно закономерно всеобщими, или, говоря по другому, как возможны абсолютные поступки? Ее решение составляет центральную теоретическую проблему современной этики и важнейшую моральную проблему современного человека.

II

Развитие этики после Канта существенным образом определялось критическим отношением к идее этического абсолютизма — от ее смягчения до полного и резкого отрицания. Против нее были высказаны следующие основательные возражения: а) абсолютная мораль предполагает абсолютного субъекта, имеющего право говорить от имени морали и признанного в этом качестве теми, к кому мораль обращена; б) если бы даже такой субъект существовал, она (абсолютная мораль) не могла бы быть эксплицирована ни в речи, ни тем более в материи практического действия, ибо и то, и другое относительно, ограничено, тленно; в) реальные формы, в которых якобы манифестирует себя абсолютная мораль в культуре, на самом деле таковыми не являются и содержат в себе большую долю лицемерия, прикрывающего практический аморализм. Интересующая нас проблема возможности абсолютных моральных поступков требует такого решения, которое учитывало бы и обоснованно снимало указанные возражения.

7. Мораль участвует в мотивации поступка особым образом. Она не располагается в одном ряду (одной плоскости) со всеми прочими мотивами (выгоды, престижа, приличия, мести и т.д. и т.п.), укорененными в телесно-психическом строе индивида и обстоятельствах (как природных, так и социокультурных) его жизни и ответственно-

ми за конкретику поступков. Она находится над ними и за ними, образуя особый уровень мотивации, который можно квалифицировать как вторичный, третичный или еще более высокий (в зависимости от того, как считать), но в любом случае является последним. В сложной, иерархически организованной и последовательно расчлененной структуре поступка моральные категории и оценки представляют собой их высшую и окончательную санкцию.

Если все мотивы, за вычетом моральных, обозначить как прагматические, то можно утверждать, что совершаемые индивидами поступки всегда прагматичны — имеют вполне достаточные основания для того, чтобы состояться и помимо соображений доброй воли. Последние в этом смысле можно считать избыточными. Они не прибавляют ничего к материи поступка, его содержанию и форме, а санкционируют лишь само его право на бытие. Человек в этом случае действует так же, как Бог, который каждый день творения завершал обзором сделанного и констатацией того, что это хорошо, с тем лишь отличием, что он делает это не задним числом, а заранее. На человеческой «фабрике» по производству поступков мораль выполняет роль, сходную с той, которую выполняет отдел технического контроля (контроля качества) на обычной фабрике. Специфика морали в общей системе мотивации поведения состоит в том, что констатация моральной доброкачественности предстоящих поступков оказывается одновременно разрешением на существование. Говоря словами Бахтина, человека обязывает не содержание обязательства, а его подпись под ним. Мораль задает такой свойственный именно человеческим поступкам взгляд на мир, когда быть означает быть моральным.

Соответствие возможных поступков моральному критерию устанавливается анализом того, могли ли бы они состояться исключительно (только) в силу моральных мотивов. В этом смысле моральные мотивы соразмерны всем прочим мотивам вместе взятым. Мораль вырывает замысленный поступок из реально-прагматического контекста и взвешивает его на идеальных весах добра и зла, бытия и небытия. Рассматривает его так, как если бы он зависел только от доброй воли самой личности.

8. Мораль выполняет свою мотивирующую роль с помощью мысленного (идеального) эксперимента. Его суть состоит в испытании возможности предстоящего поступка по моральным основаниям. Для этого в голове (мысленно) создаются вымышленные (идеализированные) ситуации, когда моральный мотив поступка оказывается его единственным мотивом. Они создаются путем мысленного отвлече-

ния от прагматических мотивов, или, что еще лучше, противопоставления таким мотивам. Эксперименты такого типа хорошо описаны Кантом (См.: И.Кант. Основоположение к метафизике нравов. Раздел I) на примере торговца, в случае которого мысленно расщепляются, разводятся честное ведение дел и выгода. Другой типовой ситуацией этического эксперимента является рассмотрение поступка как поступка, учреждаемого доброй волей самого субъекта.

Этический эксперимент может быть только мысленным, так как испытываемый на моральную доброкачественность поступок вырывается из реального мира и перемещается в идеальный (вымышленный) мир, где имеют место только моральные поступки. Такое перемещение возможно только в мысли и описывается оно языком сослагательного наклонения. В ходе мысленного этического эксперимента человек отвечает себе на следующие вопросы: совершил ли бы я данный поступок, если бы а) у меня не было в нем выгоды; б) он был мне невыгоден; в) он целиком зависел от меня?

9. Сослагательная модальность является типичной для морального мышления и языка. Моральные требования отличаются от других требований (норм права, обычая, религиозных заповедей и др.) не императивностью и не высшей (категорической) степенью императивности, а характером обоснования, осуществляемого в сослагательной модальности. Это подтверждается анализом формулировок морального закона у Канта и золотого правила нравственности.

Обоснование долга самого по себе (как необходимости поступать) не составляет сколько-нибудь серьезной теоретической и практической проблемы. Возникающие здесь трудности исчерпываются тем, что Бахтин обозначил понятием «не-алиби в бытии». Поскольку человек живет, он не может не действовать; по отношению к бытию у него нет алиби. Проблему составляет обоснование морального долга, поскольку он задает другой (не обязательный, идеальный) план бытия, в котором в отличие от реального бытия можно быть и можно не быть и по отношению к которому мы все имеем алиби. Применительно к моральному бытию «не-алиби в бытии» предстает быть самоочевидной аксиомой и становится своего рода теоремой, которая требует доказательств и для доказательства которой требуется конструируемая мыслью искусственная среда различного рода предположений. Так золотое правило предписывает поступать по таким правилам и совершать такие поступки, которые учредил бы сам действующий индивид, если бы он был той высшей и единственной инстанцией, которой дано учреждать такие правила и поступки. И оно предлагает механизм (доказательство) для выяснения того, явля-

ется ли таковым тот или иной конкретный поступок (правило): для этого индивид должен мысленно поменяться местами с другим (тем, на кого направлен поступок, является его адресатом, объектом) и ответить себе на вопрос, захотел ли бы он, чтобы тот, другой, совершил этот поступок по отношению к нему, т.е. готов ли он обернуть готовый совершиться поступок на самого себя и стать его объектом. Именно эта сложная внутренняя работа, в ходе которой индивид выявляет полноту своего личностного участия в поступке, для чего идеализирует всю ситуацию (переводит ее в идеальное царство, испытывает на мыслимость в качестве идеала), а не итоговый вывод в виде краткого «поступай» или «не поступай» определяет моральный характер предписания.

То, что получило достаточно адекватное выражение в золотом правиле, свойственно всякой моральной оценке как основанию (мотиву) моральных поступков. Структура моральной оценки является сугубо сослагательной. Оценивая некий поступок как добрый, мы характеризуем его в качестве такого поступка, который мог бы иметь место в мире, где совершаются только добрые поступки, получил бы положительную оценку того, кому дано судить что есть добро, а что есть зло, непременно хотел бы совершить тот, кто выносит такую оценку. В живом повседневном языке моральная оценка часто выражается в изыскательном наклонении. Это является одной из причин, в силу которой этика недооценивает роль сослагательного наклонения в моральном языке. В действительности то, существование чего только возможно (мыслимо), и то, что реально существует, не корректно выражать в одних и тех же словах и языковых конструкциях. «В этой языковой двузначности мы имеем, следовательно, возможный источник ошибочных точек зрения на соотношение истин, касающихся действительности существования чего-то, и истин, касающихся оценки») (Дж. Мур. Принципы этики, § 70).

10. Сослагательная модальность моральной оценки связана с тем, что моральный поступок есть самоценный поступок. Быть самоценным означает содержать свои цели в себе с полнотой и завершенностью, исключаящей низведение до уровня средства по отношению к чему бы то ни было. Моральный поступок есть поступок, который не может быть совершен для чего-то и оправдан какой-то иной целью, которая лежит за его пределами. Он выпадает из целе-средственной логики человеческой деятельности точно так же, как из причинно-следственной логики природы. Поэтому для того, чтобы адекватно

оценить моральный поступок, его надо поместить в некую иную реальность, которая не подчиняется этим логикам, на что и направлена моральная оценка.

Хотя мораль, совпадающая с моральными поступками, и выпадает из целе-средственного типа связи, она тем не менее связана с ней. Ее место — в зазоре между целями и средствами, являющимся одновременно пространством свободы и риска. Мораль заполняет этот зазор таким образом, чтобы цели, с одной стороны, не потеряли всякую связь с реальностью, трансформировавшись в пустую фантазию или разрушительное сумасбродство, а с другой стороны, не растворились в ней, потеряв свое качество сил, возвышающих человека над ограниченностью природного существования. Она является безусловным условием целе-средственной (сознательной) деятельности человека.

11. За сослагательными предложениями скрыты отрицательные индикативные утверждения («это было бы» означает, что фактически этого нет — так слова «я бы радовался» означают, что на самом деле я не радуюсь). Сослагательная модальность морального обязывания также означает, что фактическое содержание последнего заключается в отрицании. Мораль как специфический способ обязывания делает возможными разнообразные реальные обязанности и ответственна именно и только за их возможность, которую она задает через запрет на то, что ей противоречит. Моральное обязывание — не только условие возможности других обязанностей, но и их деятельное ограничение. Реальность (фактичность, предметность, бытийная укорененность) морали является негативной. Мораль говорит не о том, что делать (об этом говорят другие формы знания и практики), а о том, чего не делать. Не просто не делать, а никогда не делать.

Негативный поступок как поступок, который не совершается в силу сознательного решения не делать это, т.е. в силу запрета, имеет ряд особенностей, по причине которых именно он становится преимущественным предметным наполнением морали.

Во-первых, негативный поступок, поскольку он заключается в запрете на переход желаний (мотивов) в действие, в полной мере подконтролен сознательной воле человека. Человек не может сделать так, чтобы он чего-то захотел или чего-то не захотел. Но он всегда может отказаться от того, чего он хочет, от определенных желаний. Если исходить из предложенного Дж. Муром разграничения идеальных правил и правил долга, то в строгом смысле слова только негативные поступки подходят под правило долга.

Во-вторых, негативный поступок может быть не только категорическим, но и общезначимым. Позитивный поступок, поскольку он укоренен в психологии конкретного индивида и частных обстоятельствах его жизни, по определению не может стать общезначимым. Невозможно даже представить себе (не говоря уже о том, что это лишено смысла), чтобы все делали одно и то же. Другое дело — негативный поступок. Он представляет собой урезанный поступок в том смысле, что он ограничивается всеобщим принципом (правилом, запретом). Здесь принцип поступка и сам поступок в своей непосредственности, частном выражении, индивидуализированности полностью совпадают. Негативный поступок может быть столь же общезначимым, сколь общезначим сам запрет. Поэтому в высшей степени реалистична картина, когда все люди не совершают каких-то поступков, относительно которых они пришли к выводу, они не должны их совершать.

В-третьих, негативный поступок исключает опасность морализирующего самообмана. Людям свойственно думать о себе лучше, чем они есть на самом деле, выдавать свое зло за добро. В случае негативного поступка, не совершаемого в силу запрета, для этого отсутствуют психологические основания. Моральным мотивом негативного (запрещенного) поступка является сам запрет, и он адекватно обнаруживает себя в том, что поступок не состоялся. А в вопросе о том, состоялся ли запрещенный поступок или нет, обмануться невозможно. Поскольку нравственно запрещенный поступок есть поступок, который запрещен из-за того, что он является недостойным, то человек, оставаясь в логике морального сознания, не может гордиться тем, что он не сделал чего-то плохого.

Таким образом, если возможны абсолютные моральные поступки, то они возможны в качестве негативных поступков, задаваемых определенными запретами. Каковы эти поступки и запреты сегодня — таков вопрос, в который упираются дальнейшие исследования в области этики, в том числе и центральный для нее вопрос о понятии морали.

Этика и мораль: соотношение понятий

В чем различие между этикой и моралью?

Хорошо известно, что слова «этика» и «мораль» близки по смыслу, взаимозаменяемы и нередко взаимодополняемы (как, например, в канцелярско-идеологическом словосочетании «морально-этический»); во всяком случае, отсутствие четкого их различия не приводит к сколько-нибудь значительным недоразумениям в обычном общении. Другое дело — специализированный философский и научный контекст: надобность в ясном разграничении этики и морали обусловлена здесь не только общей установкой теоретического сознания на придание ключевым терминам по возможности более точного и индивидуального (не пересекающегося с другими терминами) значения, но еще и тем, что размытость смысловых границ между этими терминами скрывает за собой ряд нерешенных (а иногда и просто не выявленных) методологических проблем, накладывающих в конечном счете печать на всю конкретную проблематику соответствующей области исследований. Поэтому в данном случае уточнение терминов, т.е. некоторое упорядочение исследовательского инструментария, сопряжено также с формулированием и обоснованием определенного подхода к решению проблем более общего плана (знание — ценность, структура этики, специфика морали и др.).

Безусловно, сохраняющаяся и в обычном употреблении, и в теории широкая синонимия этики и морали не случайна, она имеет свои исторические причины: у этих терминов — единые или, вернее, тесно переплетенные греко-латинские корни: латинское слово *moralis* является калькой с греческого прилагательного «этический». Тем не менее за формальной идентичностью рассматриваемых терминов уже